

# Грунтовой могильник Малый Кауп: раскопки и находки

Владимир Кулаков

Комплекс памятников археологии, включающий ряд селищ, открытое торгово-ремесленное поселение и связанный с ним курганно-грунтовой могильник, а также не менее двух грунтовых могильников V и XI вв. (Kulakov, 2005, S. 55), расположен в северной части полуострова Самбия, в 3 км к югу от центра г. Зеленоградска, на северной окраине пос. Моховое (ehem. Wiskiauten, широта: 54,923 8889°, долгота: 20,480 5556°). Как и остальные торгово-ремесленные пункты эпохи викингов, известные в Балтийском макрорегионе, Кауп занимает место на краю прусской племенной территории. Этот комплекс памятников археологии находится в 23 км к северу от г. Калининграда, на северном побережье полуострова Самбия, у юго-западной оконечности Куршской косы. В 3 км к югу от г. Зеленоградска, расположено лесное урочище (к настоящему времени лес имеет в плане форму неправильного ромба – рис. 1). В этой части полуострова в результате многовековой распашки сохранились лишь незначительные фрагменты лесного покрова. В таком небольшом лесу (преимущественно – лиственном), носящем историческое название «Кауп», на вершине камовой возвышенности, достигающей от уровня вод Балтийского моря 11 м, находится курганно-грунтовой могильник, со времени своего открытия (3 августа 1865 г.) именуемый также «Кауп». Этот самый известный в исторической Пруссии памятник археологии был открыт премьер-лейтенантом Вульффом. Этот любознательный гренадерский офицер обратил внимание на то, что из обрыва у дороги Wosegau–Mülsen (ныне – Вишневка-Холмы) высыпаются человеческие и конские кости, наконечники копий, ножницы. Данные предметы являлись, по мнению премьер-лейтенанта Вульффа, инвентарём из могил литовских воинов (жертвы битвы при Рудай 1370 г.?) (Wulff, 1865, S. 641–646).

В августе 1873 г. Йозеф Хейдек первым (но далеко не последним) из прусских археологов начал

раскопки на Каупе (это разделение на два лесных урочища Большой и Малый Кауп, между которыми пролегла дорога Wosegau–Mülsen, ввёл в 1932 г. Карл Энгель). Его интерес привлек кург. K1/ (такова современная система нумерации погребальных комплексов на Каупе). Он имел насыпь диам. 14,5 м, выс. 0,9 м. Появление у неё оплывшей формы Й. Хейдек считал результатом проходившей по кургану широкой «церковной тропинки», «... 500 лет использования которой повредили насыпь и сделали её плоской» (Heydeck, 1893, S. 46). Примечательен факт только одной попытки Й. Хейдека изучить ту часть уроч. Кауп, где сделал свои замечательные находки премьер-лейтенант Вульфф. 21 июня 1879 г. Й. Хейдек вскрыл «zwischen Wiskiauten und Wosegau, am Wege (Prussia-Archiv in MVF, Reg. Nr.: PM-A 552, Bd. 1, S. 1). Обнаруженный здесь в слое остатков погребального костра фрагмент конского костяка теменем черепа ориентирован на юг. В зубах черепа – кольчатые удила (рис. 2). Принадлежность этой находки к грунтовому могильнику Малый Кауп сомнения не вызывает.

Это лесное урочище представляет собой на плане К. Энгеля (рис. 1) северо-восточный сектор вершины залесённой камовой возвышенности, отделённый от уроч. Grosse Kaup шоссе Wosegau–Mülsen. На этом плане К. Энгель отметил овальное в плане заштрихованное пятно и подписал его “Spätheidnisches Aschenplatz” (нем. «позднезычский зольник»). Так как большая часть этого объекта находится в уроч. Малый Кауп, для удобства будем именовать всего его именно так (хотя часть «зольника» расположена на восточном краю Большого Каупа). Скорее всего, этот объект был разрезан дорогой Wosegau–Mülsen. В архивных фондах Археологического музея Готторф (Шлезвиг) и Музея древнейшей и ранней истории (Берлин) кроме этого плана сохранился и план Раскопа 1. Он был прирезан с севера к имевшемуся на Ма-

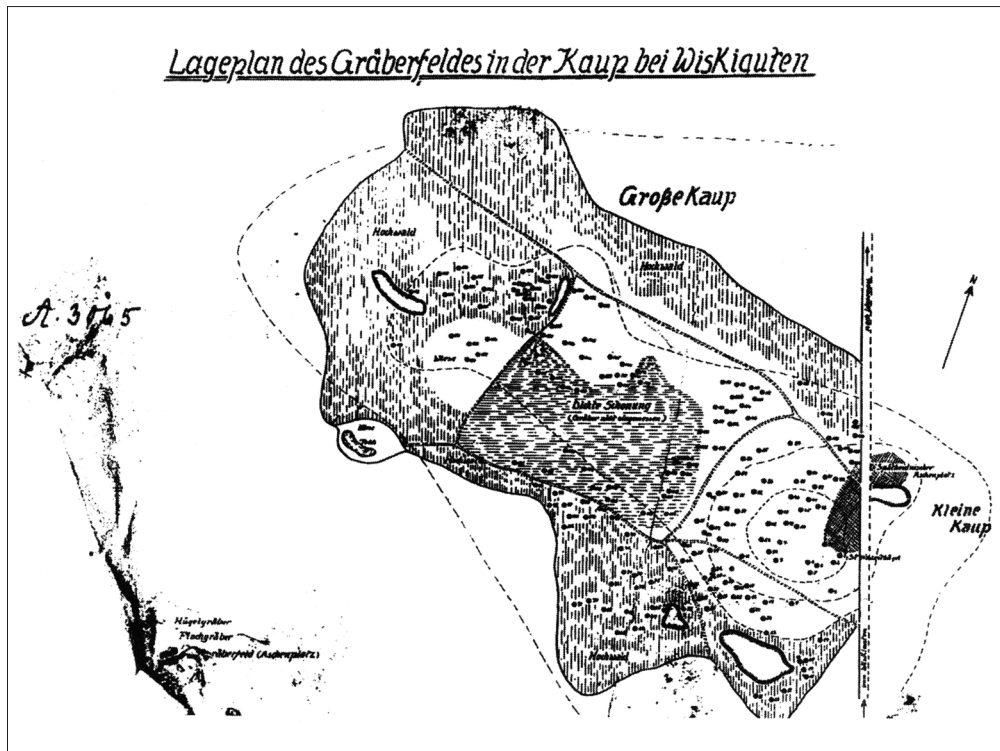


Рис. 1. «План расположения могильника Кауп у Вискиаутен» (К. Энгель, 1932–1934 гг.).

*1 pav. Kaupo kapinyno prie Viskiautų situacijos planas (pagal K. Engeli)*

лом Каупе глиняному карьеру, имел размеры 6 х 5 м при глуб. ок. 0,25 м до уровня, воспринятого К. Энгелем в качестве «материка». В пределах Раскопа 1 были обнаружены 23 погребения. Большая часть из них содержала костяки коней (как правило – с согнутым/сломанным хребтом), сопровождавшихся кольчатыми удилами и стременами. В двух случаях зафиксировано наличие каменных обкладок погребений. Судя по разрезу Раскопа 1, верхний ярус погребений составляли группы остатков погребального костра с наконечниками копий, с керамическими сосудами и бронзовыми предметами. Ввиду того, что Раскоп 1 отстоит от шоссе на 1 м, само его вскрытие могло быть осуществлено в рамках мер по охране культурного наследия при проведении дорожных работ или при выборке глиняного карьера. К сожалению, текстовая информация о Раскопе 1 крайне скудна и ещё ждёт своего осмысления и публикации в архиве Рудольфа Гренца (Археологический Земельный музей во дворце Готторф, г. Шлезвиг, Германия). Тем не менее наличие графических данных о Раскопе 1 дало возможность варшавскому археологу

Войсеху Врублевскому опубликовать гипотезу о том, что на определённом этапе могильники Gr. und Kl. Кауп могли сосуществовать (“... zeitweise gleichzeitig bestattet worden ist” – Wróblewski, 2007, S. 142). Тем самым В. Врублевский поддержал априорный тезис Бернта фон цур Мюлен, интерпретировавшего грунтовые могилы Малого Каупа как позднейшую фазу существования курганно-грунтового могильника Кауп. Немецкий учёный считал воинов, погребённых в могилах на Малом Каупе, смешавшимися с пруссами потомками скандинавов и датировал их могилы XI–XIII вв. Также («древние пруссы викингского происхождения») он интерпретировал погребённых в позднейших курганах Gr. Кауп/Большой Кауп (Mühlen, 1975, S. 16). Таким образом, сложилось предположение о постепенной ассимиляции скандинавов Каупа пруссами. Поддержавший этот бездоказательный тезис В. Врублевский пошёл дальше и сообщил читателям, что «... при учёте отсутствия поселения, которое могло бы принадлежать изолированному и гомогенному сообществу викингов, вырисовывается иная картина. При этом стоит полагать, что



Рис. 2. План захоронения коня, обнаруженный 21 июня 1879 г. «между Вискняутен и Возегау, у дороги» (Й. Хейдек).

2 pav. Arklio kapo, surasto 1879 m. birželio 21 d. „tarp Viskiautė ir Wosegau, prie kelio“, planas (J. Heydeck)

небольшая группа скандинавов здесь взаимодействовала с пруссами. Остаётся открытой проблема викингских поселений, которые в данной части Самбии выглядят отсутствующими, и связанный с этим вопрос, как проходила здесь совместная жизнь скандинавов и аборигенов» (Wróblewski, 2007, S. 142, 144). Стремление проверить этот граничащий со спекуляцией вывод В. Врублевского, желание помочь польскому археологу, делающему серьёзные выводы о Каупе, ни разу там не побывав и не обладая информацией о работах русских учёных на этом памятнике археологии, наконец, необходимость определить место Раскопа 1 и характер выявленных в его пределах археологических объектов обозначили задачу наших работ в полевых сезонах 2008 и 2009 гг. В 2008 г. к северу от Раскопа 1 были найдены остатки углублённого в грунт части помещения 4. После завершения работ в этой части Малого Каупа в 2009 г. были уста-

новлены её общие размеры: ширина – 5,5 м x 5 м. Дата помещения – X–XI вв. – засвидетельствована находкой под частично обвалившимся северным бортом котлована пом. 4 железной весовой гири с бронзовой обтяжкой. К сожалению, южная часть котлована (точнее – подвала помещения 4) была уничтожена при земляных работах предвоенного времени. На северном борту котлована были обнаружены остатки глинобитной стены. Выявленные на северном и западном бортах котлована пом. 4 грунтовые ступеньки шир. примерно от 0,25 до 0,8 м были созданы в эпоху викингов для предотвращения осыпей борта котлована. Ввиду отсутствия следов отопительных сооружений (уничтожены в южной части котлована жилища или разрушены в древности при уничтожении его наземной части?) нет возможности окончательно определить функциональную принадлежность помещения 4. К югу от него располагалось ещё одно (однотипное?) по-



мещение 5. Таким образом в полевом сезоне 2009 г. наличие поселения для эпохи викингов в центральной части камовой возвышенности вокруг лесного уроч. Кауп подтверждено. При раскопках пом. 4 было выявлено мощное заполнение его котлована, содержащее продукты горения и обломки белой мергелевой обмазки стен.

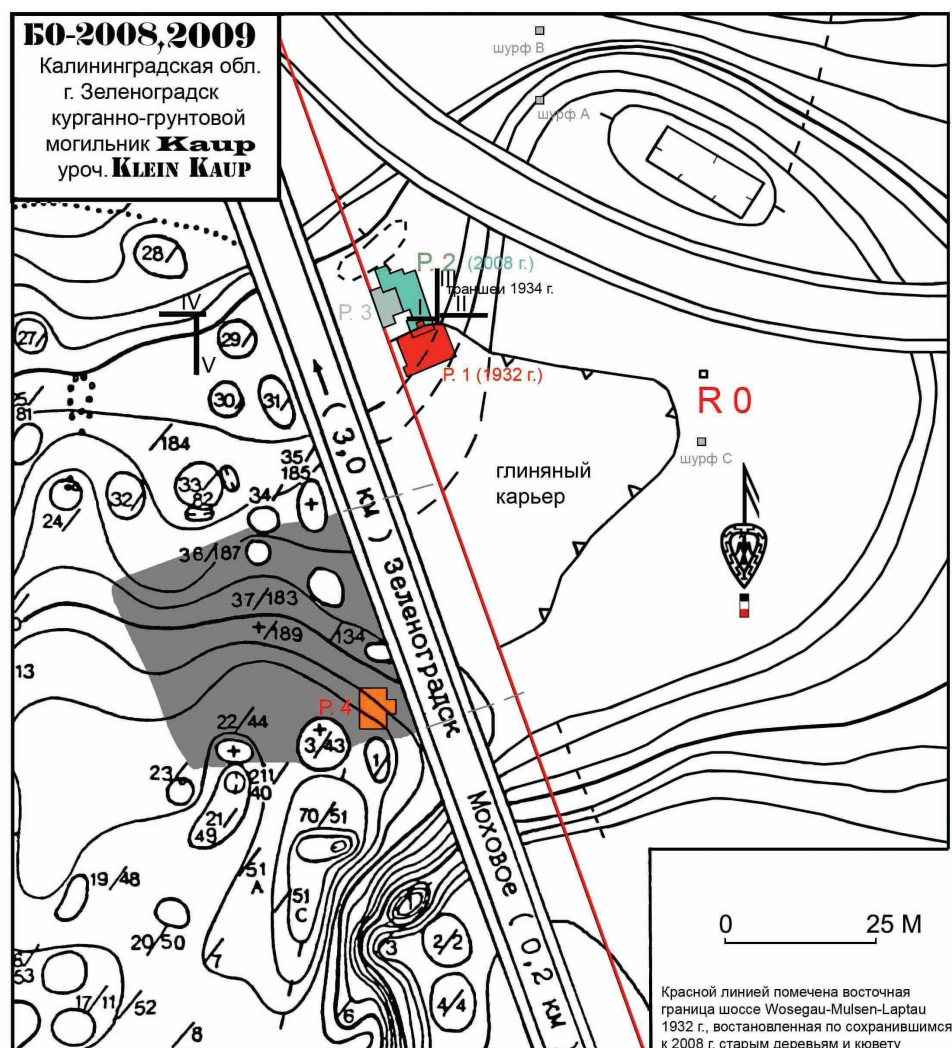
В полевом сезоне 2008 г. в пределах Раскопа 2 были найдены остатки не докопанного до конца в 1932 г. погр. L-19 (нумерация К. Энгеля). Там были обнаружены в остатках могилы зубы и разрозненные кости коня. К северо-западу от этого комплекса выявлены остатки повреждённого немецкими строителями погр. K26 с кальцинированными костями, фрагментом костяной шкатулки и камнетёрочником. Глубина упомянутых погребальных комплексов достигала не более 0,3 м от современной дневной поверхности. В полевом сезоне 2009 г. на глуб. 0,85 м от современной дневной поверхности в «южной» прирезке Раскопа 3 было выявлено погр. K25. Слой погр. K25 представлен частично потревоженными остатками погребального костра с небольшим числом камней, разрозненных костей коня и парой мелких обломков кальцинированных костей. Погр. K25 перекрывает заполнение котлована пом. 5, расположенного южнее пом. 4. Таким образом стало ясно то, что эти комплексы, находящие аналогии в грунтовой могильнике Поваровка/Powajen XI–XIII вв. на западном берегу п-ова Самбия (общие черты – достаточно скромный набор инвентаря, отсутствие заметного числа предметов вооружения) (Смирнова, 2006 а, с. 376), стратиграфически выше уровня заполнения углублённых в грунт помещений эпохи викингов. К моменту их создания котлованы построек были уже засыпаны грунтом с содержанием остатков горения (следы пожара, уничтожившего пом. 4 и пом. 5). Именно в нём были выбраны погребения XI–XIII вв., именно его К. Энгель ошибочно поименовал «позднелатышский зольник». Очевидно, находившиеся в этом слое многочисленные куски мергеля (остатки обмазки стен жилищ) были приняты К. Энгелем за обломки кальцинированных костей. Эта неточность немецкого полевого археолога привела к ещё большей ошибке, опубликованной в уважаемом международном издании польским кабинетным исследователем В. Врублевским (Wróblewski, 2007, S. 139–145).

Выдвинутый им тезис о «зольниках» (Aschenplätze) как особой форме прусской обрядности X–XIII вв. (Wróblewski, 2006, S. 229) выглядит весьма спорным. Дело в том, что «зольниками» немецкие археологи называли и места сожжения при прусских грунтовых могильниках XI–XII вв., и части этих могильников с перемешанными из-за плотности расположения могил их верхними ярусами. Польскому автору, слабо знакомому с прусской археологией, нужно было разобраться, что в каждом конкретном случае имелось в виду в архивных текстах о «зольниках». В любом случае данный феномен на могильнике, перекрывшем остатки постройки в урочище Малый Кауп, отсутствует.

29–31 августа 1934 г. Карл Энгель провёл на грунтовой могильнике Кауп единственные в предвоенное время раскопки. Им были вскрыты здесь, в 14 м на запад от Раскопа 1 траншеи I–III общей площадью 27 кв. м (MVF, Prussia-Archiv, Reg.-Nr. PM-A552, Bd. 12, S. 13). К западу от этих траншей, в восточной части уроч. Малый Кауп прусский археолог вскрыл траншеи IV и V (рис. 3). Информация о комплексах и находках, обнаруженных в этих траншеях, в распоряжении автора статьи отсутствует.

В 2009 г. Балтийский отряд ИА РАН продолжил исследования комплексного памятника археологии Кауп (г. Зеленоградск, Зеленоградский р-н Калининградской обл.). Работы проводились в соответствии с Соглашением о научном сотрудничестве между Учреждением Российской академии наук Институтом археологии РАН и Археологическим музеем земли Шлезвиг-Гольштайн Шлосс Готторф. Непосредственно к западу от дороги Wosegau/Вишнёвка–Mülsen/Охотное, в западной части могильника Малый Кауп был вскрыт Раскоп 4 площадью 26 кв. м. Этот Раскоп располагался в пределах межкурганного пространства размером 36 x 36 м, заполненного остатками погребального костра. Это пятно обрезано с востока просёлочной дорогой Wosegau/Вишнёвка–Mülsen/Охотное (рис. 3). В ходе работ на Раскопе 4 были вскрыты 4 пласта культурных напластований общей мощностью ок. 1,2 м. Заполнение Раскопа 4: 0,15 м – лесной дёрновый слой (фактически – стандартный слой остатков погребального костра /ОПК/, 0,6 м – слой ОПК, 0,20 м – переотложенный предматериковый суглинок в смеси с калёным песком, 0,05 м – круп-





Грунтовой могильник КI. Кауп. Расположение Раскопов и траншей 1932-2009 г. Серым цветом показана площадь западной части грун. могильника ("чёрная земля") по предварительным осмотрам поверхности лесной почвы в 2009 г. I-V - траншеи К. Энгеля (29-31 августа 1934 г.).

Рис. 3. План грунтового могильника Малый Кауп и раскопы, вскрытые на нём в 1932, 1934, 2008 и 2009 гг.

3 pav. Plokštinio kapinyno Mažasis Kaupas planas ir perkastos jame, iškastos 1932, 1934, 2008 ir 2009 m.

нозернистый моренный (?) песок, покрывающий глинистый светло-охристый материк. Последние две прослойки имеют антропогенное происхождения и являются результатом акций по культовому очищению участка будущего могильника, вскрытого в Р. 4. Межкурганное пространство, выбранное для создания грунтовых погребений в начале Х в. (это – самая ранняя дата для могил, вскрытых на Р. 4), было слабо прокалено, затем покрыто тонким слоем чистого мелкозернистого песка, перекры-

того позднее ровным слоем суглинка. Лишь после этого здесь стали сооружаться могилы нижних ярусов, никогда не входившие в предела материка. Этот обычай ритуального очищения зоны для потенциальных погребений, неизвестный за пределами Самбии, впервые был отмечен на примере грунтового могильника Коврово/Dollkeim. Там будущую зону погребений пруссы в кон. Х–нач. XI вв. «заполняют гравием и перекрывают сеном. После выгорания сена [...] гравий превратился в

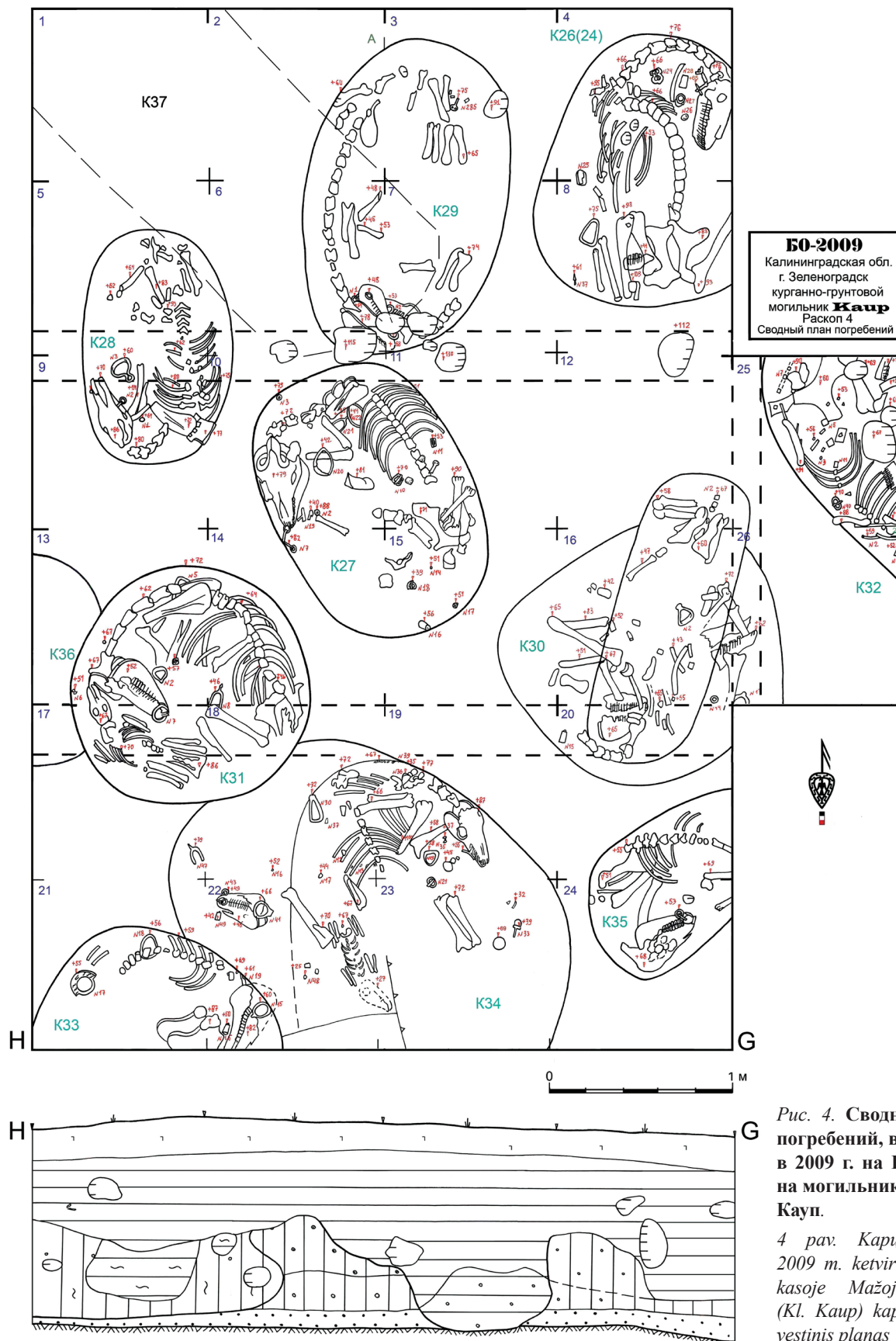


Рис. 4. Сводный план погребений, вскрытых в 2009 г. на Раскопе 4 на могильнике Малый Кауп.

4 pav. Kapų, atkastų 2009 m. ketvirtojoje perkasoje Mažoji Kaupo (Kl. Kaup) kapinyne, suvestinis planas

плотную скипевшуюся массу. Тем самым было проведено [...] ритуальное очищение данного участка могильника...» (Кулаков, 2002, с. 177). В Раскопе 4 (рис. 4) были полностью вскрыты погребальные комплексы, которые сведены в

## КАТАЛОГ

### погребений К24–К37

**Погр. К24(26)** расположено в северо-восточной части Р. 4, яма его нижнего яруса имеет овальную в плане форму разм. 1,50 x 1,10 м, ориентирована по линии север-юг. Верхний ярус: Скопление углито-золистого грунта округлой в плане формы диам. ок. 0,35 м. В этом скоплении и в непосредственной близости от него обнаружены обожжённые на погребальном костре детали инвентаря: наконечники копий типа J.P. G и подтипа J.P. E1 (последний – с остатками серебряной обтяжки втулки), железная полая (свинец вытек на погребальном костре), с бронзовой обтяжкой и втулкой булава, фрагмент погнутой после обжига ножниц, пара шпор типа 1 (здесь и далее типология деталей конского снаряжения по: Кулаков, 2003, с. 312), обломки венчика бронзового блюда диам. ок. 40 см, шиферное пряслице (рис. 5). К северу от упомянутого скопления обнаружена бронзовая лировидная пряжка. Кроме того, в заполнении верхнего яруса найдены часть бронзового коромысла складных весов, бронзовое сомкнутое кольцо от поясного набора, черешковый наконечник стрелы ромбической формы типа Медведев 83, по В. Казакевичюсу тип «черешковый с короткой и массивной головкой ромбовидной формы» (XI в.) (Kazakevičius, 2004, р. 51). Под юго-восточным краем скопления углито-золистого грунта, содержавшего массив металлических находок, выявлена верхняя часть скопления мелких обломков кальцинированных костей диам. до 0,38 м, под обломками раннегончарного сосуда. Нижний ярус был перекрыт тремя валунами. Примечателен факт находки под южным валуном скопления мельчайших переотложенных костей коня весьма плохой сохранности. Ниже был обнаружен полностью костяк коня, лежащий с поджатыми ногами на дне могилы в направлении север-юг. У правой скулы нижней челюсти коня были найдены удила со штангами подтипа 3.2, пара бронзовых подпружных пружек лировид-

ной формы с железными остриями, две железные подпружных пружки с прямоугольными рамками, железное ботало, пара стремян яйцевидной формы типа Antanavičius VI. На стремянах сохранилась серебряная плакировка, причём на стремени № 199-26 она была дополнена двумя бронзовыми кольцами, охватившими боковые штанги стремени поверх плакировки.

Под левой задней ногой коня было найдено третье стремя треугольной формы. Стремя сходной формы было обнаружено в апреле–мае 1935 г. в погр. 12 грунтового могильника Widitten II (Ижевское, Зеленоградский р-н). Вслед за В. Швентославским В. Новаковский относит этот тип стремян «к поздним формам 8–10 вв.» (Nowakowski, 2008, S. 196). Аналогичное стремя было обнаружено на могильнике Dollkeim/Коврово и датировано Г. Кемке XII–XIII вв. (Wróblewski, 2006, fig. 6, 4).

Под сложенной левой задней ногой коня был обнаружен фрагмент нижней челюсти второго коня. Заполнением нижнего яруса погр. 24(26) является ОПК с большим количеством содержания песка мощ. ок. 0,4 м. По южному борту могилы прослеживается линза угля (мощ. до 0,1 м), перекрытая тонким слоем песка. Заполнением верхнего яруса является слой ОПК с примесью гравия мощ. до 0,4 м. Реконструкция процесса сооружения погр. 24(26):

А. После факта смерти мужчины-воина, занимавшего (судя по такому нетривиальному элементу погребального инвентаря, как булава) заметное место в местном балтском обществе, была выбрана могильная яма, ориентирована по линии север–юг. В её южную (?) часть на дно были возложены останки (скорее всего – их незначительная часть) коня, принесённого, очевидно, в жертву в рамках погребальной церемонии. Вместе с ним в могилу попали стремя № 199-21 и железная пряжка № 199-20.

Б. Затем, по прошествии некоего времени могильная яма была углублена на 0,25 м. Именно такой размер отделяет ступеньку в её южном борту (рис. 6, сеч. А–В) от окончательной версии дна могилы. В процессе этих земляных работ останки «раннего» коня были раздроблены лопатами и выброшены на борт могилы.

В. В могилу, получившую свои окончательные размеры 1,50 x 1,10 м, был буквально втиснут



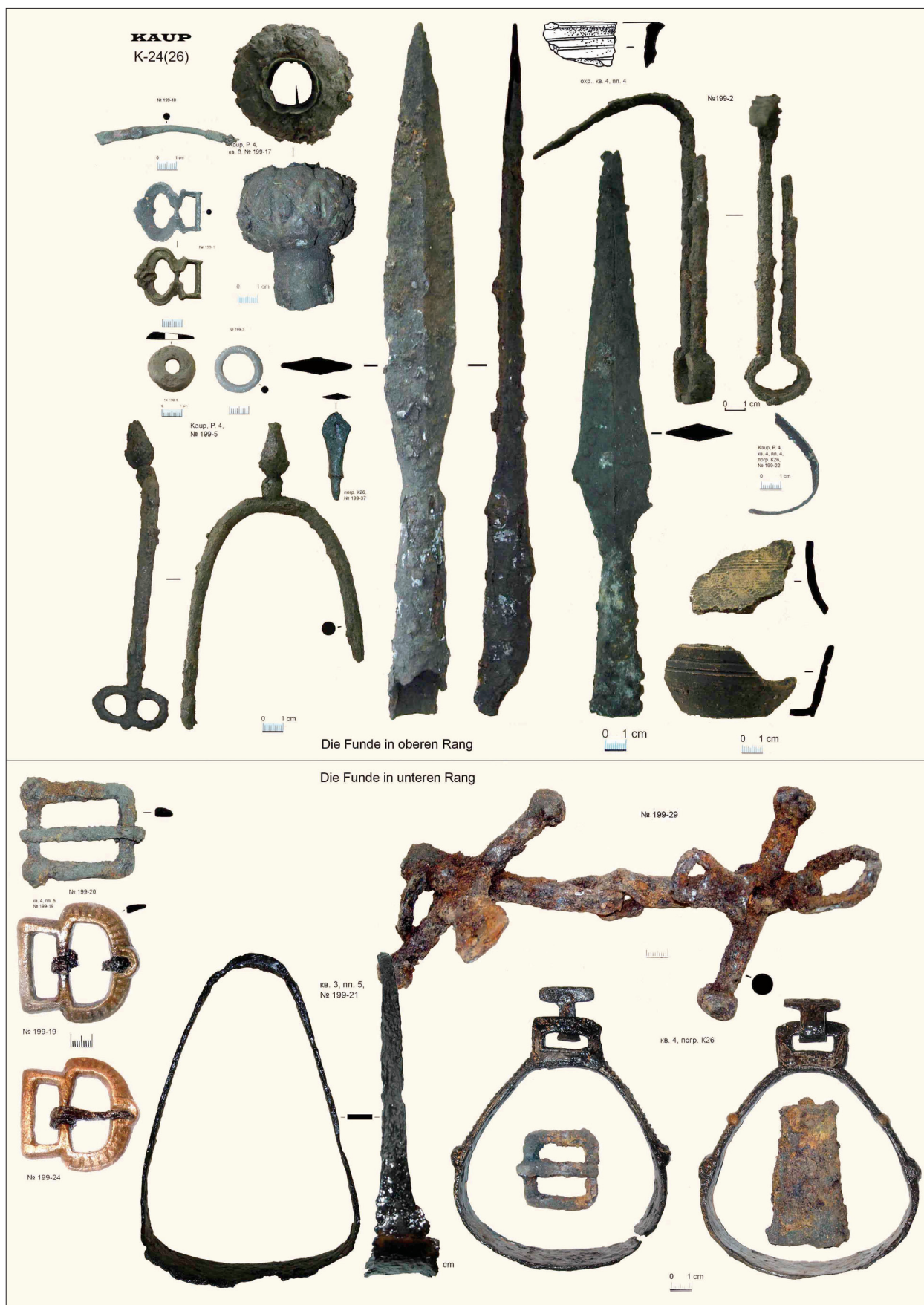


Рис. 5. Инвентарь погр. K24(26) могильника Малый Кауп.

5 pav. Mažojo Kaupo kapinyno kapo K24 (26) radiniai

костяк «позднего» коня. Существующий размер могилы был недостаточен для параметров этого животного. Его останки могли поместиться в могиле лишь ввиду того, что шея коня в её основании была сломана, на что указывает её положение под практически острым углом относительно хребта (рис. 6, внизу слева). Вместе с тушей «позднего» коня в могилу был помещён сопровождающий его инвентарь (рис. 5). После этого останки «позднего» коня были засыпаны грунтом, полученным при выборке могилы и смешанным с ОПК. При этом в этом заполнении оказались ранее выброшенные из могилы куски костей «раннего» коня.

Г. После сооружения нижнего яруса могилы над её центром был высыпан из временной урны массив остатков проведённого на стороне трупосожжения. Временная урна была по прусскому обычаю, зафиксированному на могильнике Ирзекапинис, брошена поверх скопления мелких обломков кальцинированных костей.

Д. Далее нижний ярус и высыпанное на его поверхность скопление мелких обломков кальцинированных костей были перекрыты незначительным слоем ОПК с гравийной примесью и завалены тремя крупными валунами. Затем камни были почти полностью скрыты слоем ОПК с рассеянными в нём мельчайшими обломками кальцинированных костей. Они, очевидно, не относятся к погр. 24(26).

Е. Финальной фазой сооружения погр. 24(26) стало возложение на образовавшуюся над камнями завала нижнего яруса плоскость к северу от уже незаметного под слоем ОПК скопления костей покойного его обожжённого на погребальном костре инвентаря. Весь он принадлежит к снаряжению мужчины-воина и его боевого коня. Лишь фрагмент шиферного пряслица № 199-5 может являться погребальным подношением женщины, оставшейся в мире живых. Судя по инвентарю, прежде всего – по наконечникам копий и по паре украшенных серебром стремян, погр. 24(26) датируется концом X–началом XI вв. Предложенная В. Новаковским датировка стремян треугольной формы 8–10 вв. в случае со стремянем № 199-21 неверна. По обряду погр. 24(26) не выходит за пределы норм прусской культуры эпохи викингов. Необычным признаком его внутренней структуры является наличие ос-

танков «раннего» (жертвенного) коня. Кроме того, присутствие среди инвентаря в верхнем ярусе пары шпор предполагает наличие среди участников погребальной церемонии куршей. Именно в рамках их обычаев является привычным возложение на погребальный костёр не только деталей снаряжения воина, но и предметов, связанных с процессом конной езды.

**Погр. K27** расположено в центральной части центрального сектора Р. 4, яма его нижнего яруса имеет подпрямоугольную в плане форму разм. 1,60 x 1,10 м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток (рис. 4). Глубина могилы достигает 0,55 м, на 3 см. Основное заполнение погр. K27 – ОПК с примесью золы. В восточной части могилы имеется у её верхней границы скопление золистых ОПК с рассеянными в них мелкими обломками кальцинированных костей.

На границе верхнего и нижнего ярусов была найдена поясная бронзовая пряжка № 286-12 с лировидной рамкой с элементами декора типа Elling. После её расчистки выяснилось то, что обоймица пряжки украшена двойной орнаментальной полосой, исполненной в технике «тремоло». Кроме того, в верхней части рамки пряжки видно углубление, оставлено обоймицей при ношении её наклонно (рис. 7,верху). Эта особенность рамки связана или с ношением её хозяином у пряжки на поясе тяжёлого предмета (например – боевого ножа), или образовалась ввиду массивных габаритов хозяина пояса с данной пряжкой. Такая же пряжка (правда – без обоймицы) обнаружена в погр. 2 могильника Visby (о. Готланд) (Thunmark-Nylén, 1995, Abb. 416) кон. X–нач. XI вв. Над заполнением верхнего яруса погр. K27 обожжённые наконечник копья, фрагмент бронзовой балки весок, обломки роговой накладки на гребень, железная скоба, фрагмент шпоры, фрагмент втулки копья, нож, фрагмент бочёнковидного шиферного пряслица. Вместе с упомянутой выше пряжкой № 286-12 вместе с кальцинированными костями лежал наконечник копья № 286-5 подтипа Ruttkai IVb (Кулаков, 2003, с. 302) X–XI вв. и наконечник копья подтипа J.P. E1. Лезвие первого наконечника копья было изготовлено в технологии сварного дамаска. Такой приём декора наконечников копий в массовом порядке отмечен в древностях могильника Ирзекапи-

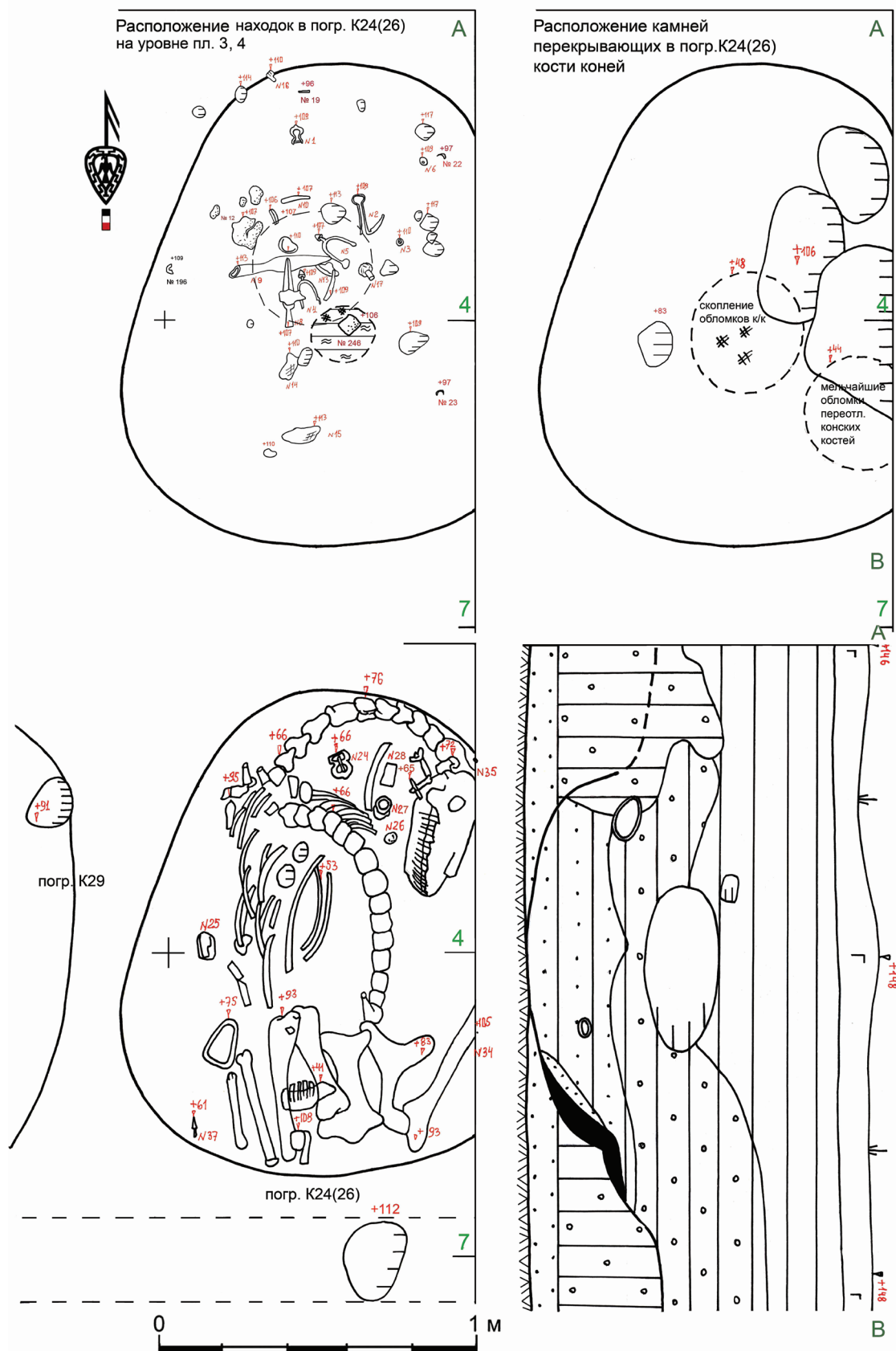


Рис. 6. Планы и сечение погр. K24(26) могильника Малый Кауп.

6 pav. Mažoji Kaupo kaimo kapinyno kapo K24 (26) planai ir pjūvis





погр. К27,  
№ 286-12 после расчистки

Рис. 7. Бронзовая пряжка из погр. К27.

7 pav. Žalvarinė sagtis iš kapo K27

нис (Кулаков, Толмачёва, 1987, с. 97). Нижний ярус был завален камнями. Они повредили костяк коня, лежащий под камнями. Конь лежал вдоль длинной оси могилы, его хребет вытянут по линии северо-запад – юго-восток. Шея под прямым углом (это указывает на слом шеи у её основания) повернута на запад. Череп коня носовыми костями повернут на юг. В зубах коня найдены удила с серповидными псалиями подтипа 3.5 (Кулаков, 2003, с. 313). С юга к зубам коня примыкают вторые удила № 286-7 – кольцевидные. У костей передних, сложенных зигзагообразно ног выявлена пара стремян округлой формы подтипа Antanavičius VII.1. Под головой коня было найдено третье стремя № 286-25, имевшее яйцевидную форму (тип Antanavičius VI). У задних ног коня были найдены две железных пряжки конской подпруги с полукруглой рамкой, в районе спины коня, на дне могилы – пара железных подпружных пряжек с рамкой С-видной формы. Конское снаряжение в погр. К27 дополняют

фрагмент щитовидной подвески (бронза, покрытая серебром), бронзовый бубенчик, два железных ботала и шпора типа 1 (Кулаков, 2003, с. 312). Несмотря на то, что в могиле обнаружены кости лишь одного коня, парность элементов наборов конского снаряжения указывает на тенденцию имитировать людьми, соорудившими этот комплекс, второе конское захоронение. Инвентарь «раннего» комплекса конского снаряжения относится к X–самому началу XI вв., «поздний» комплекс снаряжения может быть отнесён к началу XI в. Этому же времени соответствуют и детали погребального инвентаря мужчины-воина в верхнем ярусе погр. К27.

**Погр. К28** расположено в северо-западной части центрального сектора Р. 4, яма его нижнего яруса имеет овальную в плане форму разм. 1,3 x 0,81 м, ориентирована по линии север–юг. В верхнем ярусе найдены: черешковый наконечник стрелы-срезня, жел. стержень, бронзовый наконечник ремня в виде обоймицы, гвоздь, жел. накладка

со следами серебряной и бронзовой плакировки, 1 обломок кальцинированной кости. Нижний ярус: конь на дне могилы лежал на брюхе, с поджатыми ногами. Его хребет направлен по линии север–юг. Шея коня изогнута вдоль южного борта могилы, голова коня направлена своей передней частью на северо-запад. К северу от передних зубов коня на дне могилы – скелет небольшой собаки, лежавшей на левом боку головой на север. Над ногами собаки было найдено 8-видное стремя типа *Antanavičius I*, восходящий к традициям II аварского периода, под ним – шпора типа 1, шпорная пряжка. У юго-восточного борта могилы было обнаружено стремя типа *Antanavičius IIIa*, характерное для скандинавских древностей X в. В зубах коня выявлены кольчатые удила у правой стороны нижней челюсти коня – бронзовый бубенчик. По совокупности типов своего инвентаря погр. K28, содержащее останки мужчины-воина, датируется X в.

**Погр. K29** расположено в северной части центрального сектора Р. 4, яма его нижнего яруса имеет овальную в плане форму разм. 1,80 x 1,14 м, ориентирована по линии север–юг со слабым отклонением на северо-восток-юго-запад. Остатками верхнего яруса можно считать два углубления, выбранных в заполнении нижнего яруса погр. K29 (его глуб. 0,3 м) в северной и южной частях могилы. Их глубины соответственно – 0,22 м и 0,23 м, диаметр ок. 0,35 м и 0,20 м, заполнение – ОПК. В этих углублениях были собраны 4 фрагмент кальцинированных костей. Севернее южного скопления ОПК на глуб. +114 был обнаружен плохо сохранившийся развал лепного сосуда, среди обломков которого обнаружены куски древесного угля. После удаления заполнения нижнего яруса (предматериковый переотложенный суглинок) на дне могилы был выявлен костяк коня на правом боку вдоль западного борта могилы. Голова коня была направлена на юго-восток. После снятия костей этого коня на дне могилы были обнаружены останки второго, «раннего» коня – часть шейных позвонков, череп. Судя по расположению этих костей, «ранний» конь был положен в могилу на левом боку вдоль восточного борта могилы. В его зубах – кольчатые удила, в зубах «позднего» коня – кольчатые удила с трёхчастным грызлом. Кроме того, у задних ног «позднего» коня были обнаружены обломки шпоры. Погр. K29 содержит останки

мужчины-воина (?) и относится к концу I тысячелетия н.э. (но не позднее кон. X в., судя по стратиграфии, зафиксированной в близлежащей бровке).

**Погр. K30** расположено в восточной части центрального сектора Р. 4, представлено двумя могильными ямами, перекрывающими друг друга. В связи с этим удалось идентифицировать уже в процессе раскопок погр. K30 костяки «раннего» и «позднего» коней. Яма «раннего» коня имеет подпрямоугольную в плане форму разм. 1,50 x 1,35 м, ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Могильная яма «позднего» коня перекрывает могилу «раннего» коня в его центральной и северной частях, в плане имеет овальную форму разм. 1,65 x 0,6 м, ориентирована по линии север–юг. Могильная яма «раннего» коня, в которую впущена могила «позднего» коня, выбрана с уровня глубинной отметки +103 и имеет глуб. 0,7 м. Заполнение погр. K30 – ОПК с примесью прокалённого песка. На пл./шт. 3 в кв. 16/26 было выявлено пятно овальной в плане формы (ориентировано по линии север–юг), сложенное из ОПК с примесями частиц золы. Размер пятна – 1,15 x 0,95 м. Это пятно является верхней частью верхнего яруса погребения «позднего» коня. Находки в верхнем ярусе погр. K30, связанные с могилой «позднего» коня: раннегончарной временной урной подтипа *Žulkus B-1:b*, который датируется XI в. (*Žulkus*, 2007, p. 287). Ниже временной урны была выявлена каменная кладка, перекрывавшая нижний ярус, содержащий 57 рассеянных фрагментов кальцинированных костей. На дне могилы – костяки двух коней. Костяк «позднего» коня лежал в узкой могильной яме в направлении с северо-запада на юго-восток. Его голова была круто повернута на восток, передние зубы были направлены практически вертикально вниз в заполнении могилы. В нижнем ярусе погр. K30 к снаряжению «позднего» коня несомненно относятся плохо сохранившиеся железные пилообразные накладки конского оголовья и узды. Аналог этим накладкам имеется в погр. Y-84 (конец X в.) грунтового могильника Ирзекапнис (Кулаков, 1999, с. 245). При выборке могильной ямы для «позднего» коня был повреждён верхний ярус могилы «раннего» коня и часть находившегося там слоя ОПК переотложена в восточную часть могилы. Таким образом там оказалась бронзовая

подковообразная фибула с закрученными концами дуги варианта Carlsson RUL:SM/G3 (Carlsson, 1988, р. 18, 70). Рядом с фибулой в восточной части могилы «раннего» коня был найден гнутый гвоздь № 312-10, бронзовый бубенчик, бронзовая монетовидная подвеска, сделанная из фрагмента бронзового блюда. К снаряжению «раннего» коня в погр. К30 относятся лежавшая севернее его черепа шпора типа 1, южнее черепа коня – полукруглая рамка железной подпружной пряжки, под черепом – удила с серповидными псалиями подтипа 3.5, у западного борта могилы – железное ботало, в центре и в восточной части могилы – пара стремян яйцевидной формы типа Antanavičius VI. На боковых гранях этих стремян видны остатки серебряной плакировки в виде поперечных полос. Взаимное расположение могил «раннего» и «позднего» коней указывает на то, что это не единый комплекс (как это было в случаях с погр. К24(26) и К29), а два захоронения (ранний комплекс содержит останки мужчины). Оба они были совершены с промежутком в несколько лет во второй половине X в.

**Погр. К31** расположено в западной части южного сектора Р. 4, яма его нижнего яруса имеет округлую в плане форму диам. ок. 1,30. Могильная яма нижнего яруса выбиралась в пределах гравийной субструкции с глуб. +91 и заполнена преимущественно переотложенным золистым предматериковым суглинком с примесью обожжённого песка. В западную часть слоя ОПК в верхний ярус был вертикально погружён мощный валун. Судя по всему, в данном случае перед нами – меморативное сооружение типа Malstein, хорошо известное на курганах могильника Кауп. С верхним ярусом связаны: оловянная щитовидная подвеска с геральдическим изображением пчелы (?), находящим аналог в материале погр. Y-91 грунтового могильника-1 Клиновка (Ирзекапинис), датируемом второй пол. X в. (Кулаков, 1999, с. 247), фрагмент однотипной обожжённой подвески, шиферное бочёковидное пряслище, серебряная игла подковообразной фибулы, бронзовая игла и её крепление, принадлежащие перекладчатой фибуле, змееобразно свёрнутая бронзовая пластина (подобного рода амулеты, связанные с культом змеи, известны в древностях эпохи викингов в Ирландии, Англии и Скандина-

вии), два ножа, фрагмент ложновитого бронзового перстня. В нижнем ярусе на дне могилы был выявлен костяк коня, лежащего на правом боку вдоль северного борта могилы в направлении запад–восток. Судя по положению позвонков, шея коня была сломана у основания его черепа, повернутого передними зубами к юго-востоку. На черепе и к северу от него обнаружена пара стремян округлой формы подтипа Antanavičius VII.1, под черепом – удила с серповидными псалиями подтипа 3.5, восточнее черепа – шпора типа 1. Непосредственно с запада ко лбу конского черепа примыкает череп собаки. Её скелет лежит вдоль юго-западного края могилы, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Судя по набору инвентаря в верхнем ярусе, погр. К31 содержит останки мужчины и женщины и по совокупности признаков погребального инвентаря может быть датировано первой пол. XI в.

**Погр. К32** (рис. 4, кв. 25, 26) расположено в восточной части центрального сектора Р. 4, яма его нижнего яруса имеет овальную в плане форму шириной не менее 1 м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Могила вошла в пределы Р. 4 своей северо-западной частью. Судя по фрагментам подковообразной фибулы, близкой варианту Carlsson FAC:SORA (Carlsson, 1988, р. 20, 70), погр. К32, являющееся захоронением мужчины, датируется X в.

**Погр. К33** расположено в западной части «южной» прирезки Р. 4, яма его нижнего яруса имеет округлую в плане форму шириной не менее 1,4 м (рис. 4). Погр. К33 вошло в Р. 4 своей северной половиной. Судя по необычным для пруссов чертам обрядности (предметы конского снаряжения, принесённые с погребального остра вместе с воинским вооружением и брошенные в заполнение верхнего яруса) в погребальной церемонии наряду с пруссами могли принимать участие и курши.

**Погр. К34** расположено в южной части «южной» прирезки Р. 4, его нижний ярус занимает могильную яму овальной в плане формы разм. не менее 2,4 x 1,73 м. Погр. К33 вошло в Р. 4 своей северной половиной. В могиле обнаружено три одновременных погребения. По пряжке с прямоугольной рамкой и с обоймицей, характерной для куршских древностей, позднейшее захоронение в погр. К34 датируется второй пол. – концом X в.



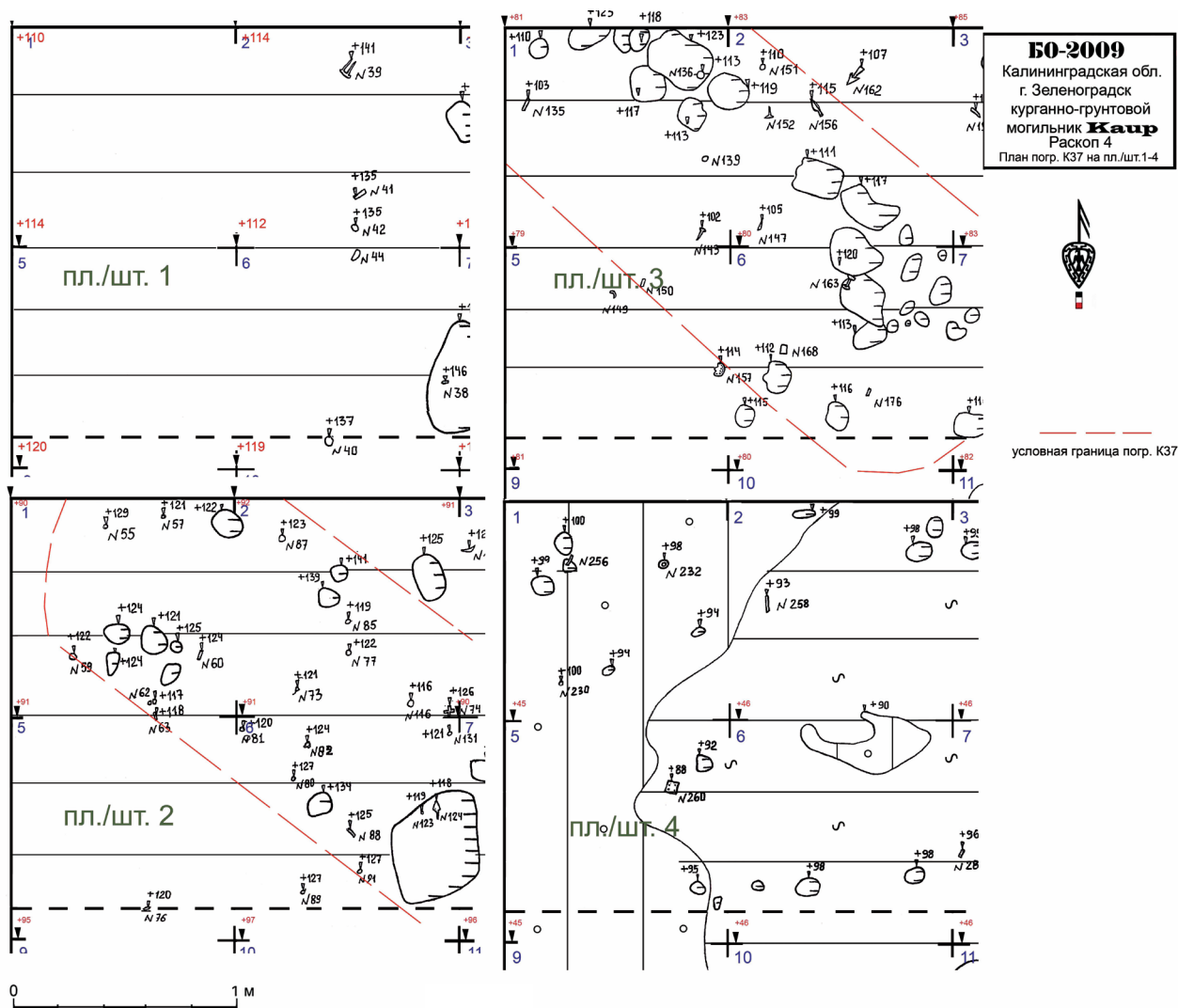


Рис. 8. План погр. К37 на могильнике Малый Кауп.

8 pav. Mažojo Kaupo kapinyno kapo K37 planas

**Погр. К35** расположено в восточной части «южной» прирезки Р. 4, яма его нижнего яруса имеет овальную в плане форму при ширине не менее 0,78 м (рис. 8). Погр. К35 вошло в пределы Раскопа 4 своей западной частью. Судя по аналогу ручки ларца, обнаруженном в позднейшем захоронении погр. К34 в непосредственной близости с запада к погр. К35, этот комплекс, содержащий останки мужчины (?), так же, как и упомянутый комплекс, следует датировать второй пол.-концом X в.

**Погр. К36** расположено в северо-западной части Р. 4, вошло в пределы Раскопа лишь своим восточным краем, яма его нижнего яруса имеет округлую в плане форму при ширине не менее 1,2 м. Датировка погр. К36 не ясна до его полного вскрытия.

«**Погр.**» **К37** расположено в северо-западной части основного сектора Р. 4, могильная яма у него отсутствует.

Наличие данного погребального комплекса на Р. 4 было определено как при фиксации постоянно появлявшихся на разных уровнях в северо-западном углу Раскопа групп вещей, так и по представленным здесь на пл./шт. 2 и 3 весьма специфическим скоплениям камней (рис. 8). На пл./шт. 2 это скопление камней представлено двумя группами небольших валунов (нередко – колотых), между которыми по линии северо-запад – юго-восток насчитывалось 1,2 м. Общая поверхность, занимавшаяся этими камнями в кв. 1, 2, 5 и 6, имеет разм. ок. 2 x 1,2 м. У северо-западного угла Р. 4 на

поверхности грунта был случайно найден обломок бронзового браслета типа «со звериной головкой», характерного для куршских древностей эпохи викингов. На пл./шт. 2 находки довольно равномерно распределены между упоминавшихся выше групп камней и в план формируют некое овальное по форме пространство разм. ок. 2 x 1,2 м, совпадающее с общими размерами скопления камней. На пл./шт. 2 в северо-западном углу Р. 4 найдены: в СЗ части скопления камней – фрагмент перстня, бронзовая обоймица, фрагмент удила с бронзовым псалием, гиришка, балка весов, в центре скопления камней – наконечник черешковой стрелы типа Kazakevičius «черешковый с короткой и массивной головкой ромбовидной формы», XI в. (Kazakevičius, 2004, р. 51), в юго-восточной части скопления камней: гиришка, черешковый наконечник стрелы типа Kazakevičius «черешковые с ромбовидной формой пера», вар. с, представленный на ятвяжском городище Каукай в слоях XI–XII вв. (Kazakevičius, 2004, р. 50), бронзовый пинцет. На пл./шт. 3 в северо-западной части скопления найдены: обрзок серебряного денария нач. XI в., орнаментированный бронзовый крючок. С «погр.» К37 связаны бронзовые пластина с отверстием в центре и перстень с несомкнутыми концами. Пластины, аналогичные упомянутой, известны в древностях северных куршей эпохи викингов как миниатюрные артефакты (пластина, как правило, проткнута булавкой) культового значения, заменявшие в погребениях реальные вещи (Asaris, Muižnieks, Rādiņš, Virse, Žeiere, 2008, р. 99).

Прежде всего необходимо интерпретировать феномен скопления камней в данной части Раскопа 4. Хороший аналог данному комплексу был обнаружен нашей экспедицией в 2004 г. на курганном могильнике Кауп (примерно в 0,3 км к западу от Раскопа 4) на юго-западной окраине кург. К128/146. Здесь было найдено овальное в плане углубление разм. 2,0 x 1,2 м в материке с сильно прокалённой поверхностью, перекрытой каменной конструкцией. Рядом находилась аналогичная по размерам каменная конструкция с возвышенной юго-восточной частью, которая указывает на направление ориентировки головы покойной. Данный объект был интерпретирован как место временного пребывания тела умершей женщины, со-

седнее углубление – место её сожжения (Kulakov, 2005, S. 77, Abb. 24). Сходный по параметрам и по конструкции объект был открыт в 2005 г. в кург. К127/147. Он был обозначен как «яма 8», «... имевшая, возможно, культовое значение и призванная имитировать первичное местоположение тела перед его окончательным захоронением» (Кулаков, 2006, с. 214). Таким образом, каменная конструкция в северо-западном углу Раскопа 4 может быть интерпретирована как место расположения тела умершего, точнее – каменные подпорки под ложе с этим телом. Вся площадь четырёх квадратов в северо-западном углу Р. 4 была интенсивно прокалена по верхней поверхности антропогенных субструкций, являющихся следами сакрализации данного участка могильника. Этот факт позволяет с уверенностью утверждать существование на уровнях пл./шт. 4 и 3 Раскопа 4 места множественного (этапного) сожжения. Возвышенный уровень камней кладки в её юго-восточной части, как и в случае с кург. К128/146, указывает на юго-восток как на ориентир для положения головы покойного. При этом обнаруженные здесь гвозди и заклёпки – указатель на «плавниковое» происхождение топлива для погребального костра. Основные скопления предметов инвентаря бытового назначения представлены в северо-западном и центральном секторах скопления. «Погр.» 37 следует интерпретировать не только как место сожжения, а, скорее, как места сожжения на месте. Неестественно большое для одного захоронения количество предметов инвентаря свидетельствует в пользу того, что акты таких захоронений производились на данном месте неоднократно. Это подтверждается стабильным обнаружением и каменных конструкций, и находок на пл./шт. 2 и 3.

Проходивший здесь периодически акт трупосожжения требовал засыпки тлеющих ОПК грунтом, однако планиграфически чётких контуров этого массива грунта не сформировалось. Перед каждым актом сожжения под возлагаемые на костре носилки с телом подкладывались новые камни, видные на каждом пласте/штыке. Идентификацию объекта «погр.» К37 позволяет провести анализ состава инвентаря на пл./шт. 2–4 в его пределах. Весь инвентарь сохранил следы пребывания на костре. Все найденные среди камней в северо-западной

части Р. 4 предметы объединяют между собой их незначительные размеры. Находки предметов вооружения крупных размеров, характерных для могил западных балтов IX–XI вв., здесь отсутствуют. Здесь на камнях проводилось множественное трупосожжение, при котором мелкие детали инвентаря падали с костра и терялись в грунте. Обнаруженные такого рода находок (прежде всего – гирек, деталей весов и обломков блюд) в слое ОПК, равномерно покрывающем весь Раскоп на пл./шт. 2 и 3, говорит в пользу того, что слой ОПК после каждого трупосожжения разравнивались по всей поверхности небольшого по площади (рис. 3) грунтового могильника. Под слоем с мелкими находками, происходящими из «погр.» К37, располагаются выбранные примерно с уровня пл./шт. 3 погр. К24(26)–К36, в верхние ярусы которых вместе с крупными находками помещались часть ОПК с его кремированными останками покойного. Этот феномен, неоднократно встречавшийся в прусской археологии, но специально не изучавшийся, можно именовать термином *Aschenplatz* («место сожжения» и «зольник»).

Подобного рода погребальные памятники в документированном виде в археологии исторической Пруссии не представлены. Сходный (но не адекватный) феномен имеется в одной из версий погребального обряда на могильнике Ирзекапинис – повторное сожжение останков *in situ* на верхнем ярусе погребения (Кулаков, 1990, с. 20), давшее большое количество ОПК. Частью феномена «погр.» К37 является форма прусской погребальной обрядности в виде помещения в верхнем ярусе могилы массива остатков погребального костра (ОПК), принесённого со стороны, в котором находятся обломки кальцинированных костей и предметы погребального инвентаря. Эта форма исчерпывающе представлена в том числе и на Раскопе 4 грунтового могильника Кауп. Её существование в пылу дискуссии ставит под сомнение Войцех Врублевский. Без каких-либо оснований он полагает: «вместо этого должны быть или прусское *Aschenplatz* («зольник», именно так обозначил К. Энгель верхний слой на вскрытом им на грунтовой могильнике Кауп-К1.Кауп Раскопе 2 – см. выше), или массовые кремированные погребения западнолитовского типа» (Wróblewski, 2006, р.

222). Изредка встречаемый в старой прусской археологической литературе термин «*Aschenplatz*» можно интерпретировать в частности как «место сожжения» (далее – форма обрядности **A-1**). Такое на раскопе у грунтового могильника Кострово/Bludau (Зеленоградский р-н) обнаружила в 1988 г. М.Е. Смирнова. Расположенное там место сожжения представляло собой скопление ОПК мощ. до 1 м с редкими обломками кальцинированных костей и обожжёнными фрагментами малоценных элементов погребального инвентаря (все престижные вещи выбирались с костра и помещались в могилу, расположенную на могильнике Кострово/Bludau, в стороне от места сожжения). В центре упомянутого скопления находилось пологое углубление диам. ок. 2 м. Именно там возлагали для сожжения тела покойных и именно оттуда брали массивы ОПК для перемещения вместе с кальцинированными костями и предметами инвентаря в могилу (Архив ИА РАН, Смирнова, № 13205). В значении «зольник» термин «*Aschenplatz*» (далее – форма **A-2**) мог выступать при описании погребений, перекрытых мощным слоем ОПК (как, в частности, на Раскопе 4). Такой случай был встречен М.Е. Смирновой на могильнике Поваровка/Powajen (Смирнова, 2006 б, с. 334). Именно такие памятники (Вольное/Schulstein, Seefeld, Linkau, Суворово/Zophen, Клиновка/Yrzekapinis, Муромское/Laptau) в основном отметил как *Ascheplätze* В. Врублевский (Wróblewski, 2006, fig. 1). Возникновение в прусской культуре обрядовой формы A-2 (то есть – размещение больших масс ОПК на большом участке могильника, создание «зольника») может быть связано с традицией «массовых кремированных погребений западнолитовского типа» (не совсем удачный термин В. Врублевского).

Несмотря на активную работу латвийских и литовских археологов на грунтовых могильниках куршей эпохи викингов, типология их погребального обряда в рамках племенной территории куршей не разработана. Правда, Владасом Жулкусом уже доказан факт распространения в VIII–XI вв. у куршей традиций трупосожжения в результате культовых заимствований у носителей прусской культуры. При этом, напротив, с этого времени материальные свидетельства влияния куршей на прусское население Самбии становятся всё более



очевидными (например – распространение на Янтарном берегу фибул «куршского» типа) (Жулкус, 2004, с. 156, 158). С X в. в южно-куршском ареале распространяется обряд «коллективных» трупосожжений в могильных ямах длиной до 5 м. В. Жулкус считает эти могилы семейными и показательными для дифференциации «по профессии» (могилы содержали останки дружинников) (Жулкус, 2004, с. 159). Считается, что принцип этой формы обряда у куршей и у части скандинавов заключался в том, что сожжение производилось на стороне, затем «кости сожжённых вместе с остатками костра, обугленными камнями и фрагментами инвентаря рассыпались по поверхности земли» (Жулкус, 2004, с. 160).

На материалах грунтового могильника Laiviai (Kretinga r., Lietuva) Е. Гинтаутайте-Бутенене и Е. Бутенас выделили 4 группы трупосожжений. Из них группа 3 (XI–XII вв.) представлена могильными ямами разм. от 1,25 x 0,75 м и выше, в которых принесённый со стороны слой ОПК подстилается чистым песком. Ввиду своих больших параметров такие могилы сливаются бортами с соседними комплексами и очень трудно идентифицируются (Gintautaitė-Butėnienė, Butėnas, 2002, p. 16).

На могильнике Viešvilė-1 (Jurbarkas r., Lietuva) отмечены три трупосожжения, среди которых погр. 19 располагалось в овальной в плане яме разм. 2,20 x 1,10 м и было ориентировано по линии северо-запад – юго-восток. Погребённые сжигались с лошадьми. В погребениях представлены многочисленные разнотипные (и разновременные?) фибулы и другие находки, что может свидетельствовать в пользу множественности разновременных трупосожжений на одном месте (Budvidas, 2006, p. 110–112).

Таким образом можно констатировать связь «погр.» К37 (форма обрядности **A-2**) и отдельно-го вида (группа 3 на могильнике Laiviai) куршских захоронений эпохи викингов. Правда, литовские коллеги, называя такие комплексы «коллективными» и созданными единовременно, трактуют находящиеся там ОПК и находки принесёнными с расположенного на стороне погребального костра. Письменные источники об этом прямо не свидетельствуют. Ливонская рифмованная хроника повествует о похоронах сембов (в этой церемо-

нии могли принимать и курши) после неудачной для них осады замка Мемельбург в 1253 г.: «И с молитвой их жрецы повелели тех сжечь, и отправить в мир иной в полном вооружении. Туда они должны были скакать верхом и в воинском порядке так, как они верили в то время. И те (кто слушал жрецов) тотчас последовали их словам. Они подошли к мертвецам с землёй в руке и сожгли их с имуществом, которое те имели: [...] со стрелами, щитами, копьями, конями, шлемами, палицами и мечами – сожгли согласно воле (жрецов)» (Janssen, 1939, S. 192, 193). В первой половине XV в. в области Курший посол короля Франции в Тевтонском Ордене Жильбер де Ланнуа фиксирует сходные ритуалы: «... Упомянутые курши, если они смогли уйти из-под власти христианства, некую секту, члены которой после смерти, для того, чтобы погрести останки, сжигают (их) и к тому же в полном убранстве и снаряжении с их драгоценными украшениями. Сожжение происходит в некоей близлежащей роще или лесу, в которых разводится костёр из чистых дубовых дров. И они верят, что после того, как восходит дым, спасается душа умершего, если дым идёт прямой дорогой на небо; если же дым уходит в сторону, то душа считается потерянной» (Engel, 1931, S. 86, 87).

Нюансы «погр.» К37 показывают факт множественного трупосожжения (следы прокала на субструкции) различных индивидов, возможно, находившихся в родстве, но похоронных в разное время. Участие куршей в обрядовых церемониях, связанных с «погр.» К37 подчёркивает как форма обрядности A-2, сходная с «массовыми трупосожжениями» куршей, так и довольно стандартные элементы погребального инвентаря. Здесь активно представлены фрагменты весов и гири, детали поясных наборов, перстни (рис. 9), то есть – достаточно дешёвый бронзовый «ширпотреб», характерный для куршского побережья (и о. Готланд) финала эпохи викингов. Если в прусских могилах этого времени представленность указанных элементов инвентаря незначительна, то для куршей такой инвентарь является массовым и на погребальных, и на поселенческих памятниках X–XI вв. (Norvilaitė, Dakanis, 2009, 3, 7 pav.). В верхних ярусах погребений такие на Раскопе 4 находки в основном отсутствуют.

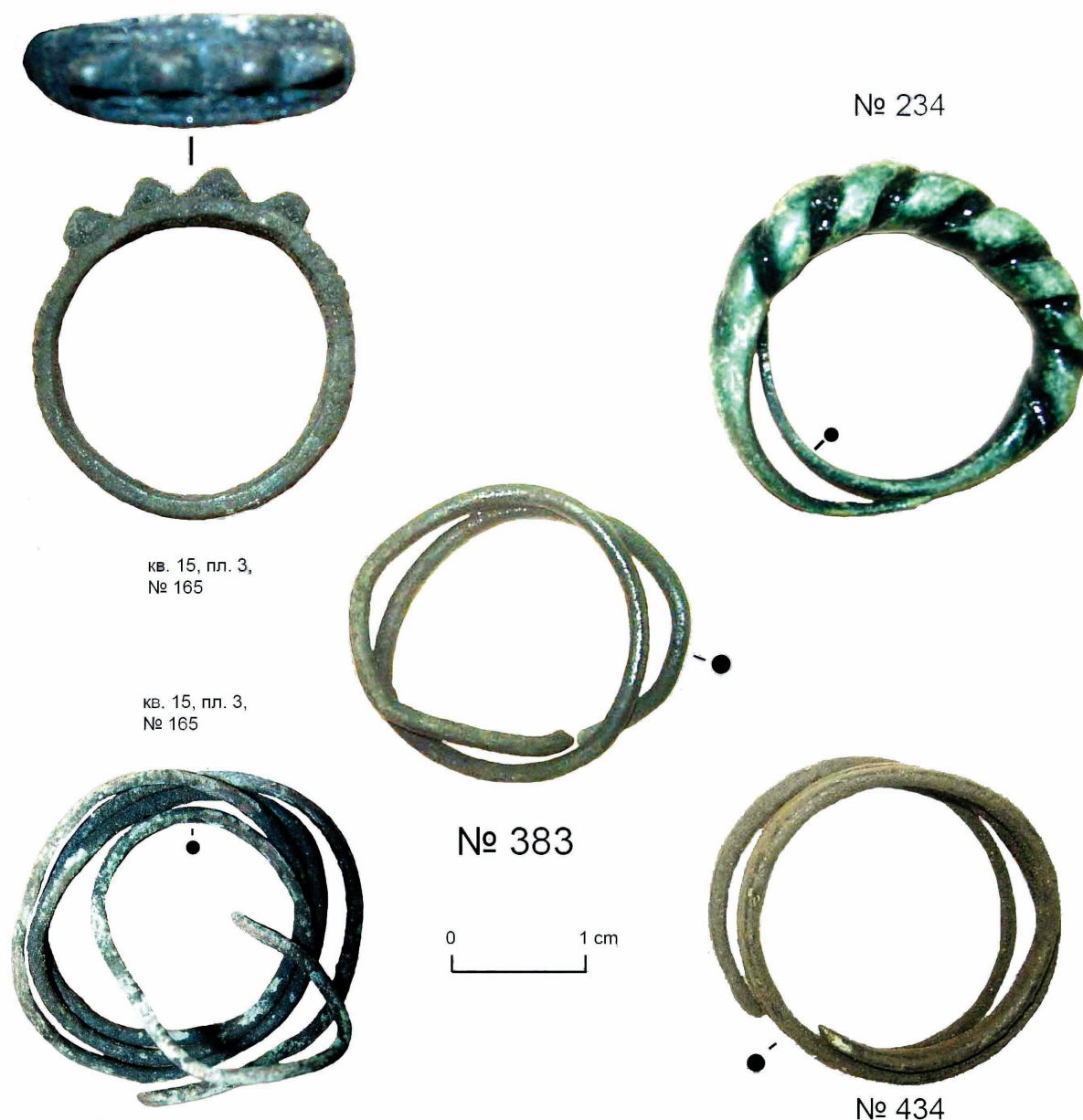


Рис. 9. Перстни, найденные в культурном слое Р. 4 на могильнике Малый Кауп.

9 pav. Žiedai, rasti Maľojo Kaupo kapinyne kultūriniam sluoksnyje P. 4

Лишь некоторые из погребальных памятников на территории исторической Пруссии, данные о которых собрал В. Врублевский, могут содержать объекты, сходные с «погр.» К37: Коврово/Dollkeim, Доброе/Hünenberg, Ржевское/Linkuhnen, обладая формой обрядности А-2 с куршскими чертами (рис. 11). Сюда же входят и куршские грунтовые могильники, частично раскопанные в предвоенное время: Anduliai/Andullen, Purviniai, Aukštkiemiai/Oberhof,

Griežė в окрестностях г. Клайпеда. Как правило, на Самбии на могильниках со слоем ОПК, полученным в результате трупосожжения на месте по куршскому обряду, обильно представлены находки XI–XII вв. куршского происхождения. В своё время это дало возможность мне выдвинуть тезис о частичном переселении куршей на север Самбии после эпохи викингов (Kulakov, 1994, р. 116, 121, 8 pav.). Примечательно совпадение на территории



Рис. 10. Грунтовые могильники эпохи викингов формами обрядности Aschenplatz-1 и Aschenplatz-2 в юго-восточной Балтии. Обряд А-1: 1 – Гора Великанов/Hunenberг, 2 – Кострово/Bludau. Обряд А-2: 3 – Anduliai/Andullen, 4 – Aukštkiemieci/Oberhof, 5 – Вольное/Schulstein; 6 – Griežė, 7 – Клиновка/Irzekapinis, 8 – Коврово/Dollkeim, 9 – Linkau, 10 – Моховое/Kl. Kaup, 11 – Муромское/Laptau, 12 – Поваровка/Powajen, 13 – Суворово/Zohpen, 14 – Seefeld.

10 pav. Vikingų epochos plokštinių kapinynai, kuriuose laidosenos forma Aschenplatz-1 ir Aschenplatz-2, pietrytiniam Baltijos pakraštįje. Laidosena A-1: 1 – Gora Velikanov / Hunenberg, 2 – Kostrovo / Bludau. Laidosena A-2: 3 – Anduliai / Andullen, 4 – Aukštkiemiai / Oberhof, 5 – Volnoje / Schulstein, 6 – Griežė, 7 – Klincovka / Irzekapinis, 8 – Kovrovo / Dollkeim, 9 – Linkau, 10 – Mochovoje / Kl. Kaup, 11 – Muromskoje / Laptau, 12 – Povarovka / Powajen, 13 – Suvorovo / Zohpen, 14 – Seefeld

прусского ареала эпохи викингов могильников с Куршскими вещами и могильников с чертами обряда А-2. Зачастую они совпадают в пределах одного могильника и одних и тех же погребений (рис. 10, рис. 11). Опираясь на этот археологический материал, на современном этапе изучения древностей исторической Пруссии следует выдвинуть тезис

о проникновении на север Самбии по Куршской косе части куршского (и, не исключено, ламатского) населения из области Куршьяй. Большое число находок предметов вооружения в могилах с их чертами на Самбии указывает на принадлежность этих пришельцев к «сословию» (термин условен) воинов (точнее – дружинников). Предстоит выяс-

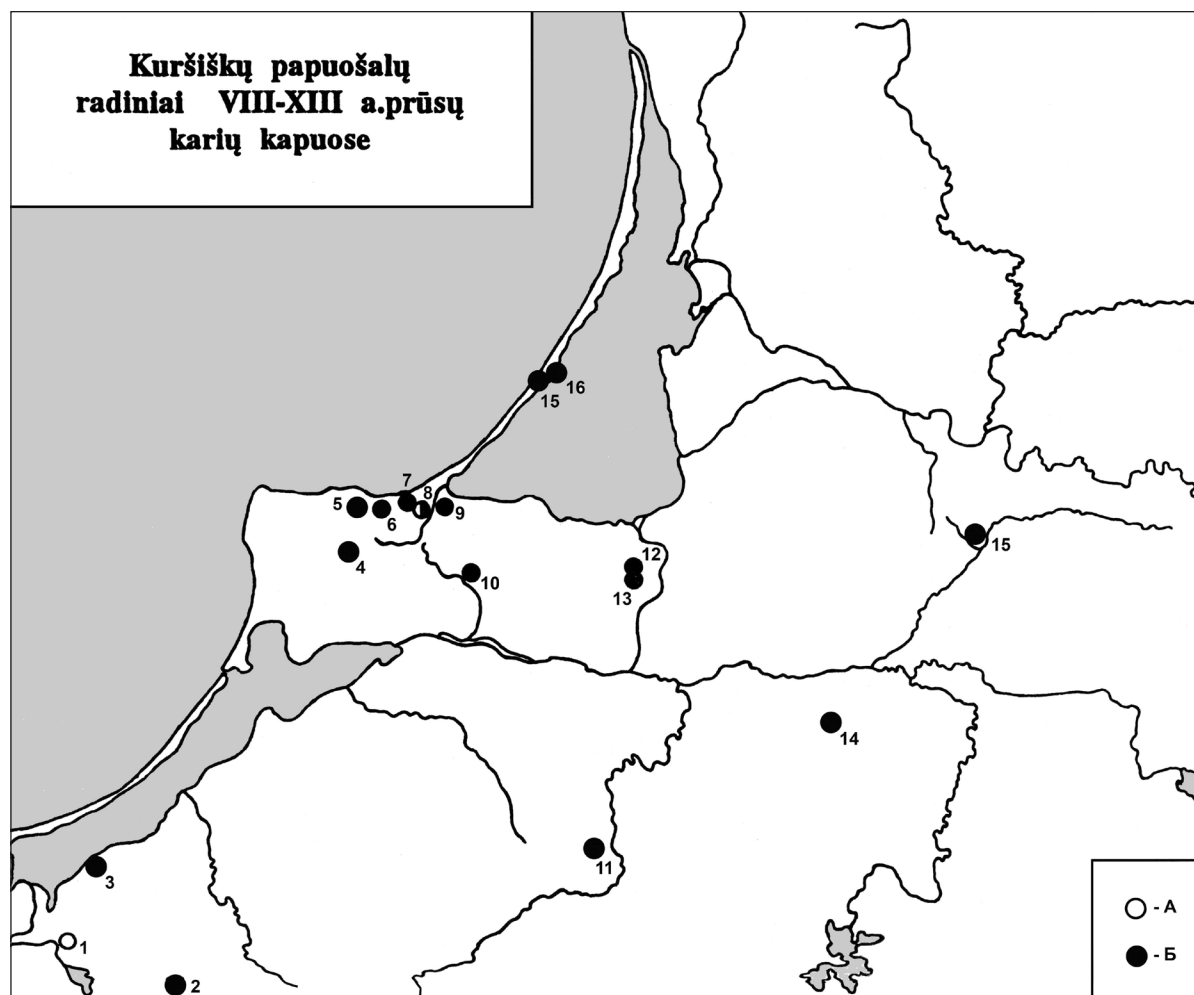


Рис. 11. Находки куршского и ламатского (?) происхождения в погребальных памятниках ареала пруссов V–XIII вв.: А – прототипы западнолитовских артефактов, Б – предметы куршского (и, возможно, ламатского) происхождения. Могильники: 1 – г. Эльблонг, ул. Монюшки, 2 – Пасленк, 3 – Ленче, 4 – Просторное, 5 – Гора Великанов, 6 – Куликово, 7 – Ирзекапинис, 8 – Кауп, 9 – Сосновка, 10 – Кляйнхайде, 11 – Поники, 12 – Попелькен, 13 – Шакаулак, 14 – Бочаги, 15 – Ульяновка, 16 – Кораллен-Берг, 17 – Штангенвальде.

11 pav. Kuršių ir lamatiečių (?) kilmės radiniai V–XIII a. prūsų arealo laidojimo paminkluose: A – Vakarų Lietuvos daiktų prototipai, B – kuršių (ir, galbūt, lamatiečių) kilmės daiktai. Kapinynai: 1 – Elblongas, Moniuškos g. 2 – Paslenk, 3 – Lenče, 4 – Prostornoje, 5 – Gora Valikanov, 6 – Kulikovo, 7 – Irzekapinis, 8 – Kaup, 9 – Sosnovka, 10 – Kleinhayde, 11 – Poniki, 12 – Popelken, 13 – Šakaulak, 14 – Bogači, 15 – Uljanovka, 16 – Korallenberg, 17 – Stangenwalde

нить причину этой «куршской инвазии»: военный захват территории (что маловероятно при мощи прусской дружины в X–XI вв.) или же призыв куршей-воинов пруссами по «ряду» (т.е. – по соглашению).

Куршским следует признать и группу купцов и воинов, оставившем на Раскопе 4 на грунтовой могильнике Малый Кауп «погр.» 37 и, возможно, участвовавших в сооружении здесь более ранних двухъярусных могил. Встреченные на пл./шт. 3 и 4 на всей его площади над грунтовыми могилами, имеющими по прусской традиции верхний и ниж-

ний ярусы, бронзовые предметы: подковообразные фибулы, в том числе – «куршского» типа, многочисленные обломки весов и гири, наконечники стрел, никогда не встречающиеся в прусских могилах, ключи, перстни, в том числе – спиральные куршского происхождения (рис. 9), крючки, шиферные и песчаниковые пряслица помещены сюда вместе с ОПК уже после осуществления двухъярусных погребений. Участие куршей в погребальных церемониях пруссов на Каупе в X–XI вв. очевидно. Некоторые находки (например, бронзовые гири в виде навершия фибул, подковообразные фибулы



с «головками змей») указывают на бытование обрядовой формы **A-2** с куршским участием и в начале XII в.

Причины появления обрядовых феноменов, выявленных в Раскопе 4, можно попытаться объяснить следующим образом. Группа пруссов, обитавших на поселении Кауп (?) и обладавших правом хоронить своих умерших на участке могильника Кауп (этот участок условно именуется «Малый Кауп»), свободном от курганных скандинавских захоронений, в начале X в. сакрализовала этот участок посредством засыпки материка гравием и мелким песком с последующим обжигом этой поверхности по подсыпке. Затем после смерти члена упомянутой группы, обладавшего достаточно высоким социальным статусом, вырывалась могила овальной в плане формы разм. в среднем 1,7 x 1,4 м глуб. от поверхности ок. 0,5 м. Могилы ориентировались по линии северо-запад – юго-восток, что обычно для прусской культуры V–XI вв. Затем на дно могилы возлагалась отрубленная голова коня с частью шеи – часть заупокойной жертвы. Через некоторое время эта жертва перекрывалась тушей коня с подогнутыми ногами и сильно изогнутой, зачастую – сломанной шеей. Складывается впечатление о том, что этого коня силой запихивали в могилу, меньшую относительно его параметров. Наконец, на грунте, которым заполнена могильная яма с конями, создаётся каменная кладка. На неё приносятся остатки погребального костра с инвентарём. Акт кремации мог осуществляться неподалёку, на месте «погр.» K37. После снятия с него части ОПК с костями и крупными предметами инвентаря они помещались в индивидуальную могилу, а оставшийся в костре пепел с мелкими обломками кальцинированных костей и мелкими же предметами инвентаря, неуловимыми в золе, разравнивались по территории могильника. Такова сущность формы обряда **A(schenplatz)-2**, сочетавшей как прусские (двухъярусные могилы), так и куршские черты (множественные трупосожжения). Примечательно то, что О. Тишлер подобную форму обряда (**A-2**) отмечал при раскопках грунтового могильника Oberhof/Aukštikiemiai и прочих могильников на территории нынешней

Западной Литвы (Wróblewski, 2006, p. 221). Самой поздней формой обрядности на Раскопе 4 была деятельность «погр.» 37 с последующим разгребанием остатков погребального костра на большом пространстве. Фактически эта форма обрядности неотличима от зафиксированных на могильнике Laiviai куршских погребений группы 3.

В погребения, вскрытые на Раскопе 4, отсутствуют лишь типичные для куршей женские украшения (прорезные пластинчатые фибулы, спиральные браслеты, витые перстни с расширенной центральной частью). Напротив, у куршей поздней фазы эпохи викингов отсутствуют конские захоронения в нижних ярусах могил (представлены лишь детали конского снаряжения). На Раскопе 4 эта черта прусской культуры имеется.

Первичные выводы раскопок могильника Малый Кауп таковы:

1. Основной массив балтского грунтового могильника, первые следы которого были открыты в 1865 г., занимает свободную от скандинавских курганов часть восточной окраины лесного уроч. Кауп. Возможно, высшая точка могильника – кург. K1/ – также была занята грунтовыми могилами. Наличие на его насыпи ОПК отмечено ещё в кон. XIX в. (Heydeck, 1893, S. 46). Самые ранние из них, судя по инвентарю, датируются началом X в., самые поздние – началом XI в.
2. Грунтовой могильник Кауп оставлен группой балтского населения (купцы и воины), занимавшего, очевидно, часть поселения Кауп. Их появление по времени предшествует набегу на Самбию Хакона, сына датского конунга Харальда Синезубого (кон. X в.) (Mühlen, 1975, S. 5). Плодами его победы позднее могли воспользоваться группы куршей и пруссов, обитавшие на Каупе.
3. Если подкурганные погребения скандинавов на Каупе не заходят в XI в., то балтские могилы в Раскопе 4 сооружаются на протяжении X, XI в. и, возможно, в начале XII вв. Скорее всего, балтская часть поселения Кауп переживает его разгром, связанный, очевидно, с захватом Канутом Магнусом берегов юго-восточной Балтии в 1016 г.

## БИБЛИОГРАФИЯ

- Жулкус В., 2004. Изменения в мировоззрении куршей в раннем средневековье. In: *Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова*. Москва, с. 153–163.
- Кулаков В. И., 1990. Древности пруссов VI–XIII вв. САИ. Вып. Г 1–9. Москва.
- Кулаков В. И., 1999. Ирзекапинис. In: *STRATUM plus*. Санкт-Петербург–Кишинёв–Одесса, № 5, с. 211–273.
- Кулаков В. И., 2002. Культовый пиекет пруссов. In: *Вестник Российского Гуманитарного научного фонда*, № 1, с. 169–181.
- Кулаков В. И., 2003. История Пруссии до 2003 г. Москва.
- Кулаков В. И., 2006. Меморативный комплекс на могильнике Кауп (раскоп 2005 г.). In: *Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова)*. Москва, с. 211–224.
- Кулаков В. И., Толмачёва М. М., 1987. Технология изготовления копий пруссов (по данным могильника Ирзекапинис). In: *КСИА*. Вып. 190. Москва, с. 94–101.
- Смирнова М. Е., 2006 а. Заключение. In: *Пронин Г. Н., Смирнова М. Е., Мишина Т. Н., Новиков В. В., Могильник Поваровка X–XIII вв. (Калининградская область)*. Москва, с. 37.
- Смирнова М. Е., 2006 б. Краткая характеристика погребального обряда и инвентаря могильника Поваровка. In: *Пронин Г. Н., Смирнова М. Е., Мишина Т. Н., Новиков В. В. Могильник Поваровка X–XIII вв. (Калининградская область)*. Москва, с. 332–346.
- Asaris J., Muižnieks V., Rādiņš A., Virse I., Žeiere I., 2008. Kurši senatnē. Rīga.
- Budvydas U., 2006. Viešvilės kapinytas I bei neįtvirtinta gyvenvietė. In: *Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2006 metais*. Vilnius.
- Carlsson A., 1988. Vikingatida ringspānnen frān Gotland. Stockholm.
- Engel C., 1931. Zwei spātheidnische Silberfunde aus altsudauschen Gebiet. In: *Prussia*, Bd. 29, S. 80–92.
- Gintautaitė-Butėnenė E., Butėnas E., 2002. Laivių kapinytas. In: *Lietuvos archeologija*. 22. Vilnius, p. 9–154.
- Heydeck J., 1893. Zwei Steinskelette (liegende Hocker) in dem Prussia-Museum. In: *Prussia*, 18. H. S. 46–60.
- Janssen H.-K., 1939. *Mittelalterliche Berichte von Totenbrauchen der Balten*. In: *Prussia*, Bd. 33, H. 1–2.
- Kazakevičius V., 2004. *Geležies amžiaus strėlės Lietuvoje II–XII/XIII a.* Vilnius.
- Kulakov V., 1994. Vakarų lietuvių V–XII a. radiniai Prūsų žemėse. In: *Klaipėdos miesto ir regiono archeologijos ir istorijos problemos*. Klaipėda, p. 107–124.
- Kulakov V. I., 2005. Die wikingerzeitliche Siedlung und das Gräberfeld Kaup bei Wiskiauten. Bericht über die Ausgrabungen der Jahre 1956–2004. In: *Offa-Zeitschrift*, Bd. 59/60, 2002/2003, S. 55–79.
- Mühlen B., 1975. Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen. In: *Bonner Hefte zur Vorgeschichte*, Nr. 9.
- Norvilaitė N., Dakanis B., 2009. Bubių piliakalnis. In: *Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2008 metais*. Vilnius, p. 52–57.
- Nowakowski W., 2008. Die früheste Steigbügel aus Preußen. Funde vom Gräberfeld Widitten II im Samland. In: *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period*. Vol. II. Lublin, S. 189–211.
- Wulff, 1865. Bericht über die Aufdeckung altpreussischer Begräbnisstätten bei dem zum Gute Bledau gehörigen Vorwerke Wiskiauten im Samlande. In: *Altpreussische Monatschrift*, Bd. 2.
- Wróblewski W., 2006. Aschenplätze – the forgotten burial rituals of the Old Prussians. In: *Archaeologia Lithuana*. Vol. 7. Vilnius, p. 221–233.
- Wróblewski W., 2007. Wiskiauten. In: *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. Bd. 34. Berlin–New York, S. 139–145.
- Žulkus V., 2007. Palanga in the Middle Ages. Ancient Settlements, Kaunas.

## АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

Архив ИА РАН, Р-1, Смирнова М. Е., Отчёт о работе Южного отряда Балтийской экспедиции ИА АН СССР на могильнике Кострово-II в 1988 г., № 13205.

Prussia-Archiv in Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin.

## PLOKŠTINIS KAPINYNAS KLEINER KAUP: TYRIMAI IR RADINIAI

Vladimir Kulakov

### Santrauka

Archeologijos paminklų kompleksas, kurį sudaro kelios atviros gyvenvietės, prekybinė-amatų gyvenvietė ir su pastarąja susijęs pilkapynas – plokštinis kapinynas, taip pat du V ir XI a. plokštiniai kapinynai, yra Sambijos pusiasalio

šiaurinėje dalyje, 3 km nuo Zelenogradsko miesto centro, Mochovoje (buv. Wiskiauten) gyvenvietės šiaurinėje pusėje, Kaup vietovėje. Ši vietovė domina labiausiai. Vietovė Mažasis Kaupas (Kleiner Kaup) K. Engelio plane pažymė-

ta miškingoje aukštumoje, atskirtoje nuo vietovės Didysis Kaupas (Grosse Kaup) kelio Wosegau–Mülsen. Šiame plane K. Engelis pažymėjo užbrūkšniuotą ovalą ir pavadino jį „Spätheidnisches Aschenplatz“. Vokiečių tyrinėtojo nuomone, kariai, palaidoti Kleiner Kaup kapuose, atkastuose 1932 ir 1934 m., buvo susimaišiusių su prūsais skandinavų palikuonys. Kapus jis datavo XI–XIII a. 2008 m. į šiaurę nuo I perkastos aptiktos įgilintos į gruntą patalpos keturios liekanos. 2009 m. kapinyne Kleiner Kaup buvo aptikta 12 plokštinių kapų, kurių laidosena turėjo prūsiškų, rečiau kuršiškų bruožų. Kuršiais tenka laikyti pirklius ir karius, palikusius IV perkasoje 37 kapą ir, greičiausiai, dalyvavusius čia įrengiant dviejų aukštų kapus.

Preliminarios Kleiner Kaup kapinyno tyrimų išvados yra tokios:

1. Pagrindinis baltų plokštinio kapinyno masyvas, ku-

rio pėdsakai buvo atidengti 1865 m., užima miškingos Kaup vietovės rytinę dalį, kurioje nėra skandinavų pilkapių. Matyt, aukščiausias kapinyno taškas – pilkapis K1, taip pat buvo su plokštiniais kapais. Ankstyviausi iš jų, sprendžiant pagal įkapes, datuojami X a. pradžia, vėlyviausi – XI a. pradžia.

2. Plokštinių kapinyną Kleiner Kaup paliko baltų bendruomenės žmonės (pirkliai ir kariai), įsikūrę dalyje Kaup gyvenvietės. Chronologiškai gyvenvietės atsiradimą galima datuoti dar prieš Hakono, danų kunigo Haroldo Mėlynadančio sūnaus (X a. pabaiga), žygi į Sambiją.
3. Kaupe skandinavų pilkapiuose nėra XI a. datuojamų kapų, o baltų kapai IV perkasoje datuojami X, XI a. ir, galimas daiktas, XII a. pradžia. Greičiausiai, Kaupo baltų gyvenvietė buvo sunaikinta Knuto Magnuso 1016 m. žygio į pietrytinę Baltijos pakrantę metu.

*Iš rusų k. vertė M. Michelbertas*

*Įteikta 2010 m. sausio mėn.*